

волистах, которые наоборот, гордились тем, что помогают человеку высвободиться от тисков вещественной действительности. С другой стороны, даже если мы безмерно расширим качество реалистичности, отождествив его с «отражением жизненной правды» (что, как мы это видели, бессмысленно, ибо лишает термин всякого содержания), то и тогда мы не сможем не заметить, что любая школа отличается от другой не только новой системой условностей, но и концепцией о жизненной правде, своим отношением к тому, что Томашевский называет «реалистическим материалом», а художественные условности всегда несут отпечаток этого отношения. Но нам кажется заслуживающим особого внимания положение о том, что новая школа не может утвердить себя иначе как восстав против господствующей в данный момент литературной школы. В виду чего кривая литературного развития получает очертание синуса. Если школа Б утвердилась, обесценив канонизированный опыт школы А, то новое иконоборческое течение В, молодое и не обладающее богатым собственным опытом, естественно, будет искать поддержки в наследии школы А, художественные условности которой утратили за давностью свою осязаемость. Из-за этой закономерности литературное развитие как бы все время колеблется между двумя полюсами, что было подмечено и великим румынским писателем Дж. Кэлинеску в связи с барокко, классицизмом и романтизмом¹. В том же смысле высказываются и американцы Уэллек и Уоррен, говоря о том, что им «кажется, что теперь мы дошли до своеобразного «генерационизма», отрицающего относительность индивидуального вкуса, и утверждающего, что в истории литературы происходит чередование определенных групп более или менее противоположных эстетических критериев (как в описанном Вёгфлином противопоставлении возрождения барокко), считая в то же время, что для достижения общих принципов это чередование нельзя ни обойти, ни превзойти»². Более подробно исследовал, к сожалению лишь вскользь затронутый нами вопрос, польский ученый Юлиан Кржижановский³. Для наглядного представления о развитии европейской литературы он даже рисует две синусоидальные постоянно пересекающиеся кривые. Так что в каждый данный период делается очевидным превосходство одной из основных тенденций, определяемых Кржижановским как романтическая и классическая. Это чередование иллюстрирует двойственное развитие литературы, объяснение чему польский автор видит в «онтологическом дуализме духа и материи, психических и физических явлений, двух основных компонентов жизни, к которым обращается, по очереди, взгляд человечества; концентрированное внимание к духовным потребностям является господствующей чертой романтических течений; уклон к вопросам тела определяет течения классические»⁴. Это объяснение, по нашему мнению, уязвимо со многих точек зрения. Во-первых потому, что онтологический дуализм «дух-материя» трактуется в совершенно метафизической перспективе, и во-вторых потому, что литературные явления овъясняются внелитератур-

¹ Дж. Кэлинеску, *Impresii asupra literaturii spaniole*, Бухарест, 1946, в главе *Классицизм, романтизм, барокко*, стр. 11 — 31.

² Ук. соч., стр. 328

³ Ю. Кржижановский, *Od średniowiecza do baroku*, Варшава, 1938 и *Nauka o literaturze*, Вроцлав — Варшава — Краков, 1966.

⁴ *Nauka o literaturze*, стр. 334 и сл.